

Афиша Концерты

Маленькие великие Павел Егоров и «Экспертиза» в Малом зале Филармонии впадает в детство Софья Дымова

ЧТО СОЧИНЯЛИ большие композиторы, когда были детьми. Можно ли расслышать в детских нотках большую будущность. Какова природа ранней одаренности. Как она проявляется в разные эпохи. Обо всем этом петербургский пианист Павел Егоров собирается поразмышлять на третьем концерте цикла «Экспертиза» вместе с его ведущим, композитором и музыковедом Владимиром Ранневым, которому принадлежит идея программы и название «Несмысленная музыка».

Было бы странным жестом обойтись в ней без Моцарта. Ему отдается почти все первое отделение. Егоров сыграет разные клавирные пьесы и две сонаты для клавира со скрипкой — дуэтом с замечательным композитором и скрипачом Михаилом Крутиком, который тоже не чужд вундеркиндской теме, поскольку прочувствовал ее на собственной шкуре. Вся эта музыка написана Вольфгангом до семи лет, то есть недолго после того как он вообще научился писать ноты.

Второе отделение делят между собой Бетховен и Клара Шуман. Бетховенское Andantino, сочиненное в шесть лет, возможно, дополнится одной из трех клавирных «Курфюрстен-сонат», написанных девятилетним Бетховеном; Егоров сомневается, правильно ли играть сонату именно в та-

кой программе, поскольку, согласно новейшим изысканиям, Людвиг написал эти вещи в целых одиннадцать лет, а это, конечно, уже не совсем детство. Было бы отлично услышать как можно больше разной детской музыки, но егоровский подход надо признать очень честным: контекст и меседж он ценит едва ли не выше отдельных пьес. Другие сомнения пианиста касаются детских пьес Прокофьева. Они вполне подходят по возрасту, но для них нужен несколько иной исторический фон. То же относится и к первой пьесе, написанной маленьким Игорем Стравинским, несколько неуклюжим скерцо до минор.

Особенно дороги пианисту Три песни Клары Вик, впоследствии жены Роберта Шумана, пожертвовавшей своей блестящей фортепианной и композиторской карьерой ради мужа. Клара сочинила их в семь-восемь лет, и они никогда не исполнялись в России, хотя были почти сразу опубликованы — вниманием юная Клара уже тогда не была обойдена. Петь будет питомица мариинской Академии молодых певцов Юлия Саврасова, которой, по оценке самого Егорова, присуще особенно бережное отношение к авторским намерениям — добродетель, не слишком частая среди русских вокалистов. Клару Вик Егоров намеревается почтить и исполне-

нием ее детской мазурки, и шумановскими «Танцами давидсбюндлеров», оммажем жене на тему ее мазурки. Правда, ее Шуман поместил в бас, а сам разрезвился сверху. То есть детская музыка детской музыкой, однако (а возможно именно поэтому, кто их разберет) не обошлось без отчетливых эротических коннотаций.

Чем более поздняя эпоха, тем меньше в детской музыке можно различить черты зрелости. Это связано с тем, что чем дальше, тем меньше личный язык композитора имел общего с языком эпохи. Тот же Бет-

ховен, классический self-made man, формировал сам себя и свой стиль с такой силой, что, казалось бы, ничего не должно остаться от того материала, с которым он имел дело, — и в части языка эпохи, и в части детско-подражательного начала. Тем не менее слабые отголоски будущего величия слышны и у него, а не только у шестилетнего Моцарта. Господин Егоров считает, что его задача — все это представить, выявить, услышать. Он собирается играть по-серьезному, без скидок на возраст.

Малый зал филармонии, 20 марта, 19.00

Афина смычковая Виктория Муллова в Мариинке-3 приглашает Софья Дымова

ВИКТОРИЯ МУЛЛОВА представляет крайне нетипичный для русского исполнителя случай. Что она рано уехала на Запад, еще не самое главное. Рано уезжают многие. Главное, что она рано перестала быть советским артистом. Конечно, само по себе это никакое не достоинство. Кто-то боготворит Когана и Ойстраха, а кто-то, отдавая им должное, предпочитает современных Цецетмайра или Карминьюлу. Редкость редчайшая, что Муллова вышла в большие люди, так сказать, на общих основаниях, а не как представительница русской скрипичной школы. Такое случалось разве что с Гидоном Кремером. Но даже и он — с его всемирной отзывчивостью и чутьем на репертуар — сделал карьеру как русский скрипач, и только будучи уже в звездном статусе начал отклоняться от генеральной классико-романтической линии, которой советские обычно придерживались, чтобы не перестать быть русскими.

С Мулловой же было так. В 1980 году она выиграла Конкурс им. Сибелиуса в Хельсинки, в 1982 году Конкурс им. Чайковского в Москве. В 1983 году, вырвавшись в концертный тур по Финляндии, в первый же свободный день она села в такси и пересекла шведскую границу, потом получила американскую визу и уже в США — большие ангажементы, которых в СССР ей, небагажной, было бы не видать. Получив свободу во всех смыслах, она дала волю своим широким вкусовым наклонностям, не собираясь засиживать концерты Чайковского или Мендельсона, довольно

рано сменила идентичность и перестала быть русской скрипачкой не только по месту жительства, но и по манере игры.

До 2005 года Муллова записывала классику для Philips, после сделала упор на разное пограничье, от джазовых импровизаций до аутентизма. Ныне Муллова универсальный солдат. Кто еще из русских скрипачей может похвастаться тем, что влился в аутентичный мейнстрим так, будто в нем и учился плавать. Муллова записывает скрипичные концерты Моцарта с привередливым Orchestra of the Age of Enlightenment, Бетховена и Мендельсона с Orchestre Revolutionnaire et Romantique и Джоном Элиотом Гардинером, а концерты Вивальди и вовсе с отрывными итальянцами Il Giardino Armonico. Фортепианные трио Гайдна и Шуберта она играет с Петером Виспелвеем и Кристианом Безауденхаутом, дуэты для двух скрипок от Леклера до Бартока с Джулиано Карминьюлой, концерт Брамса с лондонским Philharmonia Orchestra и Пааво Ярви, концерт Стравинского с Берлин-

ским филармоническим и Густаво Дудамелем — все это выступления за последние два месяца.

Везде Муллова разная, и чем дальше, тем более разная. С точки зрения гранд-скрипачества это, наверное, нехорошо, это размытая индивидуальность; с точки зрения музыки это похвально и естественно — протеизм в произведениях разных эпох. Барочный репертуар Муллова играет на скрипке Джузеппе Гваданини 1750 года. Естественно, на жильных струнах. А в Петербурге услышат другой инструмент, «Jules Falk» Страдивари 1723 года. Программа во многом повторяет ее недавний диск, вышедший на Onyx Classics: Итальянская сюита Стравинского, Соната Равеля, Венгерские крестьянские песни Бартока. А французская пианистка Катя Лабек, с которой и записан диск, и играет мариинский концерт, — постоянный ансамблевый партнер Мулловой последних лет.

Концертный зал Мариинского театра, 27 марта, 19.00